

**«...НЕ ШЕКСПИР ГЛАВНОЕ, А ПРИМЕЧАНИЯ К НЕМУ»:
КОММЕНТАРИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ И УЧЕБНЫЙ, КОММЕНТАРИЙ
КАК АВТОБИОГРАФИЯ, ИССЛЕДОВАНИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ**

*Светлой памяти
Сергея Зеноновича Лущика*

Информация об авторе: Евгения Викторовна Иванова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: evi@l-z.ru

Аннотация: Статья посвящена истории формирования стандарта академического комментария в советскую эпоху, а также сложившимся в то время его составным частям: описанию источников текста, истории его создания и пояснениям к реалиям текста. Отдельный раздел посвящен комментированным изданиям для учебных заведений, среди которых в качестве образцового рассматривается пятитомное собрание сочинений А.С. Пушкина, подготовленное Л.И. Поливановым. Кратко характеризуются подготовленные для учащихся средних школ комментарии Н.Л. Бродского к «Евгению Онегину», ставшие предметом острой критики В.В. Набокова, а также подготовленные для школьных учителей биография и комментарии к «Евгению Онегину» Ю.М. Лотмана. Отдельно анализируется русская версия книги В.В. Набокова «Комментарий к роману А.С. Пушкина “Евгений Онегин”», которая стала новой страницей в развитии жанра комментария, превратив его в автобиографию и инструмент самопознания. Еще одно направление в трансформации жанра комментария представлено в книге комментариев С.З. Лущика к повести В.П. Катаева «Уже написан Вертер», где комментарий перерастает в полноценное исследование, открывающее неизвестную страницу в биографии В.П. Катаева.

Ключевые слова: комментарий академический, Пушкин, Л.И. Поливанов, комментарии Н.Л. Бродского и В.В. Набокова к «Евгению Онегину», комментарии С.З. Лущика к повести В.П. Катаева «Уже написан Вертер».

© 2024. *Evgenia V. Ivanova*

**“...THE MAIN THING IS NOT SHAKESPEARE, BUT THE NOTES TO HIM”:
ACADEMIC AND EDUCATIONAL COMMENTARY, COMMENTARY
AS AN AUTOBIOGRAPHY, RESEARCH AND INVESTIGATION**

Information about the author: Evgeniia V. Ivanova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: evi@l-z.ru

Abstract: The article examines the development of academic commentary standards in the Soviet era when commented editions were issued only by the publishing house “Nauka”, together with its traditional components: the description of the text sources and of its story, commentary on realia. A separate paragraph considers commented editions for educational institutions and illustrates them by the example of the collection of A.S. Pushkin’s works in 5 vols., edited by L.I. Polyvanov. The article describes briefly N.L. Brodsky’s commentary on the *Eugene Onegin* for secondary schools, that was harshly criticized by V.V. Nabokov, and Ju.M. Lotman’s work for school teachers presenting both Pushkin’s biography and commentary on the *Onegin*. The article goes on analyzing the Russian version of Nabokov’s *Commentary to Eugene Onegin*, that became a new step in the development of commentary as a genre, transforming it into an autobiography and a tool of self-knowledge. Another transformation of the genre of commenting is exemplified by S.Z. Lushchick’s commentary book on V.P. Kataev’s novel *Werther Has Already Been Written*, where commentary becomes real research that discovered an unknown page of Kataev’s biography.

Keywords: academic commentary, Pushkin, L.I. Polyvanov, Brodsky’s and Nabokov’s commentaries to *Eugene Onegin*, S.Z. Lushchik’s commentary to Kataev’s novel *Werther Has Already Been Written*.

При обсуждении проблем комментирования часто цитируют фразу из записной книжки А.П. Чехова: «Важен не Шекспир, а примечания к нему». По моим предположениям, своим рождением она обязана венгеровскому изданию Шекспира, возможно, Чехов услышал ее от самого Семена Афанасьевича Венгерова, большого энтузиаста и, можно сказать, пионера комментированных изданий классики в России. Однако ответ на вопрос, который казался Чехову единственно возможным, ныне таковым не является, поскольку примечания, которые теперь чаще называют комментариями¹, в наших отношениях с Шекспиром сегодня играют совсем иную роль. Издавать классические произведения так, словно они были вчера написаны, теперь означает расписаться в издательской некомпетентности. Комментарий не только стал неотъемлемой частью любого издания, претендующего на авторитетность, но начинает играть самостоятельную роль, и внутри него складывается собственная жанровая типология, на которую хотелось бы обратить внимание.

¹ Термины «комментарии» и «примечания» мы используем как синонимы и в качестве определения их смысла используем словарное значение: «разъяснение какого-либо текста путем примечаний и толкований», «пояснение, объяснительное и критическое, замечание к чему-либо; рассуждение по поводу чего-либо».

Комментарий академический

Особая роль комментария ранее всего была осознана при подготовке академических изданий классики. Сегодня во всех учебных пособиях по текстологии есть раздел, специально посвященный комментариям, хотя, как правило, достаточно скромный. Например, в монографии С.А. Рейснера «Палеография и текстология», очень популярной среди современных текстологов, он является частью раздела «Вспомогательный аппарат издания» [Рейснер, 1970, с. 287–295].

Генеалогию современных академических комментариев С.А. Рейснер находит в глубине веков: «История создания аппарата комментариев (примечаний) уходит в далекую древность. Когда в старину переписчик какого-либо произведения чего-то в нем не понимал, он или пропускал темное для него место, или переписывал его, оставляя те или другие нелепости, или же “исправлял” рукопись сообразно своему разумению, а иногда, гордясь своей “эрудицией” и в назидание потомкам, пояснял — на полях или непосредственно в тексте — затруднявшее его слово или отрывок. Греческое слово “глосса” и обозначает “толкование непонятого места”» [Там же, с. 289].

Так, в несколько завуалированной форме, в советское время отмечалось происхождение комментариев от глоссариев к Священному Писанию. Традиция библейских истолковательных глоссариев, как представляется, совсем не исчезла, она дожила до наших дней в форме «методов» и «подходов» к интерпретации текста различных научных школ — марксистских, структуралистских, семиотических и др. Кроме того, этот тип комментария локализуется в разного рода исследованиях герменевтического характера.

С.А. Рейснер проводил разграничение между изданием памятников до XVII в., тесно связанным «с европейской традицией издания исторических (в особенности летописных) и духовных памятников и подробно разработанных приемов так называемой “критики текста”» [Там же, с. 290] и изданиями литературы нового времени. Точкой отсчета «истории справочно-вспомогательного аппарата изданий памятников новой русской литературы» С.А. Рейснер называет издание Пушкина под редакцией П.В. Анненкова (1855–1857) [Там же]. Можно считать и так, хотя такой подход будет формальным, поскольку в своих рассуждениях о комментарии С.А. Рейснер имеет в виду все-таки комментарий академический, сформировавшийся в рамках изданий классики, которые в прежние времена готовило академическое издательство «Наука». В прежние времена это было

единственное издательство, обладавшее привилегией готовить комментированные издания литературных памятников и произведений русской классики. Даже такое авторитетное издательство как «Художественная литература» имело строгие ограничения по объему комментария, помещаемого в его изданиях. Заново подготовленный по рукописи текст классического произведения, даже если он был подготовлен авторитетным ученым, издательство не имело права издавать в принципе, как и вносить изменения в устоявшиеся тексты, если они имелись в формате академических изданий.

В итоге в замкнутом пространстве академической монополии на авторитетные издания классики сформировался особый тип комментария. Корпоративность сделала возможным формирование некоторых если не законов, то норм, регламентирующих все то, что могло и не могло включаться в комментарий, и как показало дальнейшее развитие жанра комментария, это был далеко не бессмысленный процесс.

Следует отметить, что главная задача академических изданий всегда состояла в подготовке авторитетных текстов классических произведений, и комментарий в рамках этой задачи рассматривался лишь как «вспомогательный аппарат издания». Поэтому основную особенность академического комментария С.А. Рейснер выразил следующим образом: «Независимо от того, для какой читательской аудитории комментарий предназначен, он не представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему — он должен помочь читателю понять текст. Комментарий — спутник текста» [Там же, с. 293]. Мысль о зависимости типа комментария от характера издаваемого текста представляется очень важной, она во многом определяла структуру академического комментария.

Главное место в нем занимала история создания произведения от момента возникновения замысла и до завешения. Сюда входило археографическое описание рукописей и печатных источников текста — автографов, авторских копий, редакций и вариантов, а также прижизненных изданий, в подготовке которых принимал участие автор, то, что называется творческой или генетической историей произведения. Включались сюда также все упоминания о работе над произведением в дневниках, записных книжках и переписке. Это самая ответственная часть комментария, существующая исключительно в академических изданиях.

Вторую, не менее важную часть комментария составляют отклики современников, характеризующие восприятие памятника в эпоху его создания и первого появления перед читателями. Важность этого

раздела заключается в том, что он составлен из мнений лиц, живших в одно время с писателем, говоривших с ним на одном языке, существовавших в одном историческом контексте. Над современниками еще не довлеют устоявшиеся оценки и мнения, они воспринимают произведение наименее предвзято, обладают «свежестью взгляда». Даже если эта «свежесть» оказывается полной слепотой, в исторической перспективе это поможет понять, насколько автор опережал свое время, понять особенности восприятия и систему оценок его современников, все то, что можно назвать неписанными законами эпохи.

В судьбе классических произведений мнения современников служат своего рода точкой отсчета, но и в рамках своей эпохи классические произведения могут подвергаться переоценке. Например, цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом», прежде чем стать безусловной классикой, при первой публикации в альманахе «Шиповник» натолкнулся на довольно сдержанный прием. Поэт Борис Садовской, правда, под псевдонимом, писал о чужеродности исторической темы дарованию Блока, «рыцаря Прекрасной Дамы»: «В стихотворениях “На Куликовом поле” (так в тексте. — Е.И.) не замечается внутренней необходимости, которая оправдывала бы их появление и, по-видимому, само Куликово поле послужило лишь внешним предлогом к написанию цикла хороших, но ненужных, каких-то беспредметных стихов» [Голов, 1909, с. 95]. И тот же Садовской, спустя всего два года писал Блоку «Без мурашек не могу читать “Поля Куликова” и “России”»². По-настоящему восторженную оценку стихи этого цикла получили лишь после публикации в сборнике «Стихи о России» (1915), изданном во время Первой мировой войны, закрепив за Блоком славу национального поэта. Все это показывает, что произведение, которое мы почитаем как безусловную классику, далеко не сразу вошло в этом качестве в сознание своей эпохи.

Но бывает, что причины восторженного приема первых читателей кажутся последующим поколениям загадкой. Такого рода пример мы находим в воспоминаниях Владислава Ходасевича, который писал о том, как прозвучали для него и его окружения стихи из сборника К. Бальмонта «Будем как Солнце» (1903): «Я вспоминаю прозрачную весну 1902 года. В те дни Бальмонт писал “Будем как солнце” — и не знал, и не мог знать, что в удушливых классах третьей московской гимназии два мальчика: Гофман Виктор и Ходасевич Владислав читают и перечитывают, и вновь читают и

² Письмо Б.А. Садовского Блоку от 9 нояб. 1911 г. РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 391. Л. 4.

перечитывают всеми правдами и неправдами раздобытые корректуры скорпионовских “Северных цветов”. Вот впервые оттиснутый “Художник-Дьявол”, вот “Хочу быть дерзким”, которому еще только предстоит стать пресловутым, вот “Восхваление Луны”, подписанное псевдонимом: Лионель. Читали украдкой и дрожали от радости. Еще бы. Шестнадцать лет, солнце светит, а в этих стихах целое откровение. Ведь это же бесконечно ново, прекрасно, необычно!» [Ходасевич, 1916]. Далеко не всякому поэту дано иметь такого читателя, но именно на таком восприятии современников зиждется репутация поэта, ставшего кумиром целого поколения. И поскольку повальному увлечению Бальмонтом очень скоро пришел конец, подобные отзывы позволяют представить, на чем основывалась его былая слава.

Еще одним примером могут служить воспоминания Алексея Толстого о том, как его поколение встретило выход «Очерков и рассказов» М. Горького в 1899 г.: «...Едва начинались летние каникулы — молодежь уходила “босячить” на места, воспетые Горьким. Кто не мог уйти — устраивали домашнее босячество, прямо, например, со службы бросались в лодках, за Волгу, там зажигали костры, пили водку, пели песни о Стеньке Разине и философствовали, лежа без штанов на зеленом косогоре» [Толстой, 1928, с. 134].

Подобных примеров можно привести немало, очень важно зафиксировать тот звук, который некогда услышали современники при первом чтении произведения, он, как правило, является уникальным. Современники часто улавливают смыслы, совершенно недоступные читателям других эпох. Пользуясь словами Пушкина, голос «друга в поколеньи» сменяют затем голоса «читателей в потомках» и этот переход дает разные результаты. Оторвавшись от читателя своей эпохи произведение начинает жить отдельной жизнью, становится объектом самых разнообразных интерпретаций. Вот эти последующие интерпретации академический комментарий никак не должен учитывать, точнее просто не может их учитывать хотя бы потому, что процесс интерпретации разомкнут во времени, способен меняться и пополняться, и каждая новая эпоха вносит свой вклад, предлагает собственный угол зрения на классические произведения.

Наконец третью часть комментария составляет так называемый реальный комментарий — пояснения скрытых или явных цитат, отсылок к тому, что было на слуху у автора и его современников, устаревающих исторических и бытовых реалий, непонятных слов, географических и топографических реалий и т.п. Эта часть коммен-

тария публикуется с привязкой к отдельным фрагментам текста, составляя наиболее изменчивую часть, неотделимую от жизни памятника во времени.

В отклике на публикацию тезисов моего доклада в фейсбуке было замечено, что некогда в «Литературных памятниках» требовали прокомментировать, что такое Генисаретское озеро. Думаю, некогда такого рода пояснения были не лишними, другое дело, что сегодня они таковыми не кажутся. Поскольку главной целью реального комментария является создание условий для адекватного понимания памятника, эти условия будут разными для различных эпох.

Таковы в общих чертах составные части комментария, как он складывался в рамках академических издательств на протяжении многих десятилетий. Академические издания, повторяем, обладали исключительным правом готовить тексты по творческим рукописям и помещать комментарии, о составе которых говорилось выше. Нельзя сказать, что комментированные издания пользовались повышенным спросом, и несмотря на то, что они были малотиражны, отдельные, в первую очередь справочные тома подолгу не расходились. Споры вызывал объем реального комментария и его соотношение с основным текстом, более того, есть читатели, убежденные в полной ненужности комментариев как таковых, утверждающие, что никто их не читает. В прежние времена такие аргументы парировали фразами типа «наш читатель вправе знать», «существуют сведения, которые должны быть известны культурному читателю, должны быть в обиходе каждого культурного человека» и т.п. Появление интернета и его повсеместное распространение внесло в эти споры дополнительные аргументы: есть люди, уверенные, что все необходимые сведения можно найти на его безбрежных просторах. Но правильно составленный реальный комментарий включает в свой состав не сведения из энциклопедии, а ответы на вопросы, которые могут возникнуть при чтении текста, и касаются они не только фактов, а чаще всего смыслов.

Например, комментируя цикл Блока «На поле Куликовом», чрезвычайно важно отметить, что написан он был в Шахматово, что Блок никогда не был на месте Куликовской битвы и даже не делал попыток посетить эти места, хотя в его время уже существовал тот самый памятник, который сохранился донныне. Очень важно установить также, откуда черпал Блок сведения о Куликовской битве. Так что интернет хоть и заставляет вносить в процесс подготовки реального комментария те или иные коррективы, он не отменяет смысловых пояснений, восстановлением которых занимается историк литературы.

В целом, эти три составляющих элемента комментария есть то бесспорное ядро, которое сложилось в процессе подготовки ряда академических изданий русской классики в советское время. Оберегая это смысловое ядро, С.А. Рейснер даже сформулировал опасность, которая, по его мнению, грозила его разрушить: «Гипертрофия комментария — тяжелая болезнь, с которой необходима систематическая борьба. Комментарий меньше всего “искусство для искусства”, и превращать его в демонстрацию эрудиции комментатора или в склад самых разнообразных сведений, отдаленно нужных в данной связи <...>, противозаконно» [Рейснер, 1970, с. 293].

Долгие годы от разрастания комментария спасали редакторы академических издательств, наделенные очень большими полномочиями. Именно они главным образом стояли на страже, им дано было право сокращать комментарий по своему усмотрению, ссылаясь на прецеденты, экономию бумаги, интересы читателей и даже на партийные постановления. Редактор академического издательства был наделен большими правами еще и потому, что он нес ответственность буквально за все, начиная от запятых и до идеологической ереси, которая могла в такие издания просочиться. По существу, редакторы и поддерживали академический стандарт, благодаря им академический комментарий не выходил за отведенные ему рамки.

Да и составители академического комментария не были заинтересованы в том, чтобы впахивать туда все накопленные сведения — комментарий оплачивался весьма скудно, по сравнению, например, со вступительными статьями и так называемой составительской работой, он не охранялся авторским правом, любой мог использовать его по своему усмотрению. Гораздо более выгодно было использовать накопленный запас знаний в исследовательской деятельности, в подготовке диссертаций и т.п. за пределами академического издания. В прежние времена к их услугам были разного рода издания-спутники в жанре «материалы и исследования», журналы и сборники, и даже массовые издания, где появлялась возможность выступить в роли исследователя и просветителя. В этих условиях на протяжении десятилетий академический комментарий успешно выполнял свою роль сателлита текста.

Почти одновременно с книгой С.А. Рейснера, объявлявшей «гипертрофию комментария» противозаконным деянием, вышло издание работ Ю.А. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино» [Тынянов, 1977], подготовленное Е.А. Тоддесом и А.П. и М.О. Чудаковыми, где в соотношении текстов и комментариев наличествовала откровенная «гипертрофия»: комментарии по объему существенно превышали текст статей Тынянова. Но именно это издание и сегодня может

служить эталоном, поскольку этот небольшой по объему том решал задачи, которые В. Каверин назвал условиями, необходимыми для понимания места и роли формалистов в истории русской литературы: «воссоздание надежной фактической канвы их деятельности, особенно раннего ее этапа». Эта сложная задача, по мнению писателя, предполагала «как строгость исторического изучения, так и современную оценку» [Тынянов, 1977, с. 6].

В книге были представлены историко-литературные и киноведческие работы Ю.Н. Тынянова периода расцвета русского формализма, полные сведения об истории создания текстов, местах их хранения, описание рукописей и конспектов, а также отклики современников в дневниках, письмах и статьях. В итоге «гипертрофия комментария» сделала это издание во многих отношениях образцовым, потому что объем комментария определился естественным путем, включив все необходимое для понимания раннего творчества Тынянова. Вдобавок комментаторы имели возможность пользоваться разъяснениями его друзей и соратников, в свое время близко стоявших и даже принадлежавших к формальной школе — Л.Я. Гинзбург, В. Каверина, В. Шкловского и др. Работа над книгой протекала при самом активном сопротивлении издательских редакторов, и эта борьба также дала свои результаты, она не давала ничему «разрастаться» сверх необходимого. В итоге издание на многие годы стало настольной книгой для всех, кто изучал русский формализм и литературно-критическое наследие Ю.Н. Тынянова. Единственное, что отсутствовало в издании — именной указатель, но это зависело от издательства.

Причина успешности издания была не в том, что комментарии было много, а в том, что они отвечали потребностям изучения предмета в тот период времени, содержали ответы на вопросы читателя той эпохи. Оказалось, что «гипертрофия комментария», если она мотивирована, не только не является болезнью, а может стать необходимым условием адекватного понимания текста, которому потребовался именно такой сателлит, а не какой иной. Это издание повлияло на дальнейшее развитие комментирования больше, чем любое другое академическое издание, соблюдавшее нормативные требования, привычный баланс между Шекспиром и примечаниями.

С.А. Рейснер в указанной работе пытался назвать неотъемлемым свойством академического комментария еще и адресность, но, как представляется, это совсем не так, в первую очередь потому, что академические издания готовятся крайне редко, раз в несколько десятилетий.

тий, и за этот период читательская аудитория может сильно измениться. Единственное, что мы можем сказать про адресата академических изданий, что они предназначены для всех, кто испытывает потребность в чтении авторитетно подготовленного текста с описанием его источников и принципов подготовки и снабженного необходимым запасом справочных сведений. Это может быть и исследователь, и переводчик, и учитель, и продвинутый ученик, и даже случайный читатель. Адресный комментарий складывался на совершенно иной основе, и ему следует посвятить отдельный раздел.

Комментарий адресный или учебный

По нашему мнению, адресный комментарий возник раньше и независимо от комментария академического, его появление связано с потребностью преподавания русской литературы в гимназиях, реальных училищах и университетах. Подготовкой текста и комментариев занимались в этих случаях преподаватели, которые хорошо знали адресата своих изданий. До революции среднее образование было частным, и гимназии обладали правом выпускать собственные издания произведений, хрестоматий и учебных пособий, предназначенных для своих учащихся, для конкретной целевой аудитории.

В рамках этой статьи мы не ставим целью сколько-нибудь полно обозреть все многообразие пособий и хрестоматий, подготовленных преподавателями гимназий для своих учеников, отметим лишь, что среди них можно отыскать по-настоящему выдающиеся образцы педагогической мысли, например, педагогические труды преподавателя Ставропольской гимназии Я.М. Неверова, изумительные по осмысленности и глубине³. В нашей статье в качестве образца мы используем издание, подготовленное известным педагогом и основателем частной московской гимназии Львом Поливановым «Сочинения А.С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики» [Сочинения А.С. Пушкина..., 1887]. Выбор этой работы оправдывается в наших глазах хотя бы тем, что по нему изучали Пушкина Валерий Брюсов, Андрей Белый и многие другие прославленные ученики Льва Поливанова.

В предисловии Поливанов объяснял назначение своего издания так: «Если других первоклассных писателей наших, как Ломоносов,

³ См., например, современное переиздание его трудов: [Глагол будущего, 2006].

Державин, Карамзин, недостаточно читать в ограниченных отрывках хрестоматий, то такое чтение произведений Пушкина ныне, когда внешние препятствия к распространению его сочинений устраняются, не могло бы найти никаких оправданий. Произведения Пушкина должны стать настольною книгою каждого русского юноши, претендующего завершить свое среднее образование. Нет нужды делать все произведения поэта, столь близкого к нашему времени, непременно предметом занятий классных, на это не стало бы и времени, — но непосредственное знакомство с ними должно стать обычаем всякой порядочной школы» [Там же, с. V]. Отметим, что издание Пушкина для гимназистов выходило в пяти томах.

Поливанов нашел совершенно особый подход к изданию пушкинских произведений для своих учеников, его комментарии предваряли текст, они готовили читателей к чтению и содержали всю полноту необходимой информации для его понимания: «Предлагаемое издание сочинений Пушкина имеет в виду не только *тексты* его произведений в возможной для указанной цели полноте, но при каждом произведении представить так сказать историю его, дать необходимый для понимания его реальный комментарий и выяснить художественную цену произведения. Для достижения первого мною указываются, согласно выясненным доньше данным, *время и место написания* каждого произведения, *повод к его написанию* и те изменения, которым оно подвергалось; если *произведение подражательное*, то оно *сличается* с тем образцом, который послужил Пушкину; если *переводное* — приводится самый *текст подлинника*; приводятся также и *источники* оригинальных произведений Пушкина. Отдельные произведения, так объясненные, приводятся в связь с предшествующими; это сделано с тою целью, чтобы наглядно показать постепенный ход в развитии творчества поэта. Читатель увидит, что эти разъяснения, обыкновенно помещаемые мною перед самим произведением, порою получают значительные размеры; но пусть не спешит он упрекнуть меня в излишней полноте их, ссылаясь на то, что для неспециалиста это излишне. Я настаиваю на этой полноте вступительных заметок моих потому, что только обстоятельное разъяснение может привести к ценному выводу; без того весь вывод теряет всякую силу: он будет общим местом, фразою, не более» [Там же].

Комментарии Л.И. Поливанова, которые он называл разъяснениями, включали следующие смысловые позиции: «время и место написания каждого произведения, повод к его написанию и те изменения, которым оно подвергалось», а кроме того, в каждом из томов

он предлагал учащимся сводку критических отзывов о произведении. Таким образом, эти разъяснения включали в себя все то, что впоследствии стало принадлежностью академических комментариев. Единственное отличие — его разъяснения как бы предваряли вопросы, которые могли возникнуть в ходе чтения и предупреждали их возникновение, они заранее вводили ученика в контекст, в котором произведение создавалось. Особого внимания заслуживает публикация оригинала переводных стихов, этого не делало ни одно академическое издание.

Выбирая отзывы критиков, Поливанов стремился прежде всего избежать, как он писал, «повторять, и обременять память учащихся ходячими общими местами о литературных произведениях» [Там же, с. VII]. Достаточно сказать, что в комментариях к «Евгению Онегину» имя Белинского вообще не упоминается, так что выпускники поливановской гимназии могли окончить курс, не подозревая, что перед ними «энциклопедия русской жизни». При этом критические суждения Белинского об отдельных стихотворениях Пушкина в других томах приводятся. Но самое примечательное — в комментариях к «Евгению Онегину» подробный очерк был посвящен поэмам Байрона, так что читатели его издания отчетливо представляли, что опровергал Пушкин, будто в Онегине он написал свой портрет, «как Байрон, гордости поэт».

Вообще «гипертрофию комментария» в издании Поливанова в отдельных случаях была вопиющей, «разъяснения» к «Евгению Онегину» намного превышали объем романа в стихах. Но Поливанов несколько не смущался этим, исходя из убеждения, что «произведения Пушкина должны стать настольною книгою» на протяжении всей последующей жизни его выпускников [Там же, с. V]. Так оно и было, по крайней мере, на примере В. Брюсова и А. Белого мы видим, что Пушкин с гимназических лет прочно вошел в их жизнь, на многие годы стал их «вечным спутником».

К сожалению, опыт поливановских изданий был забыт, и жанр адресного комментария в советской школе складывался совсем на других основаниях. Русская классическая литература изучалась, прежде всего, как отражение трех этапов освободительного движения, «зеркало русской революции», полигон формирования вольной русской мысли. И потому стратегия преподавания литературы в том и состояла, чтобы любого писателя под эти три этапа подверстать.

Образцом комментария для средней школы советской эпохи можно назвать книгу Н.Л. Бродского «Евгений Онегин». Роман А.С. Пуш-

кина» [Бродский, 1964]. Надо отметить, что с точки зрения реальных комментариев это была вполне добросовестная работа, но она в духе того времени была подчинена стратегической задаче — по каждому поводу подтверждать суждение Белинского о романе как «энциклопедии русской жизни», и отмечать все связи Пушкина с декабристами, выставляя поэта «защитником вольности и прав». Комментарии отвечали на вопросы, которые заведомо не могли возникнуть в голове школьников при непосредственном чтении «Евгения Онегина». Они, по существу, ничего не «разъясняли», и готовили прежде всего к написанию сочинений, среди которых лидировала тема «Онегин — лишний человек», тут уж было не до Байрона.

Поэтому несмотря на то, что современная исследовательница Черемисина-Харер называет работу Бродского «одним из лучших на современный момент комментариев к пушкинскому роману» [Черемисина, 2014, с. 102], вряд ли она приближает школьников к пониманию Пушкина, как это делали издания Л.И. Поливанова, а уж про то, чтобы Бродский сделал Пушкина настольной книгой, не может быть и речи. Работа Бродского есть памятник преподаванию Пушкина в советскую эпоху и не случайно именно ее избрал в качестве главной мишени для издевательств Владимир Набоков в своих комментариях к роману «Евгений Онегин», о чем еще пойдет речь.

Последним и наиболее близко стоящим по времени к нам примером адресного комментария может служить работа Ю.М. Лотмана «А.С. Пушкин: Биография писателя. Роман «Евгений Онегин». Комментарий» [Лотман, 2015], имевшая несколько изданий, в некоторых из них биография Пушкина и комментированное издание «Евгения Онегина» разделены.

Установка на адресность носит для Ю.М. Лотмана принципиальный характер, он начинает свою книгу с утверждения, что «тип комментария определяется прежде всего читательским назначением» [Там же, с. 292]. Лотман сразу объясняет также причину, по которой он решил сменить на этой стезе Н.Л. Бродского, работа которого, выдержавшая пять изданий, с точки зрения Лотмана, «выглядит неполной, а частично устаревшей» [Там же, с. 239]. Добавим, что издавать комментарии Бродского после того, как в русском переводе вышли комментарии Набокова, где они раскритикованы в пух и прах, стало невозможно. Но, стремясь заменить Бродского, Ю.М. Лотман комментарии Набокова оценивает также невысоко: «В примечаниях содержится ряд параллелей с западноевропейскими литературными текстами, стилистические заметки, например, указания на галлицизмы и некоторые бытовые комментарии. Однако в целом

работа включает и ряд необязательных сведений, точные наблюдения перемежаются порой с субъективными и приблизительными» [Там же, с. 240].

Лотман разделял два типа комментариев (на его языке — «пояснений»): «Пояснения эти могут иметь двоякий характер. Они могут быть *текстуальными*, то есть объяснять текст как таковой. Такое объяснение является необходимым условием любого читательского понимания произведения» [Там же]. Но простых пояснений, считал Лотман, недостаточно, от преподавателя требуют большего: «Другой вид пояснения — *концепционный*. Здесь, опираясь на понимание текста, исследователь дает разного рода интерпретации: историко-литературные, стилистические, философские и др. Первый вид пояснений дается в комментарии, второй — в теоретических исследованиях: статьях и монографиях» [Там же, с. 235].

Здесь подход Ю.М. Лотмана смыкается с подходом Н.Л. Бродского: они оба убеждены, что существует определенный взгляд на пушкинский роман, который необходимо сформировать у школьника. В отличие от Поливанова, они не пытаются привести школьника к чтению романа Пушкина, а стремятся с помощью романа Пушкина объяснить особенности русской жизни его эпохи, систему социальных и человеческих взаимоотношений, литературные и исторические реалии. Этот подход в корне противостоит подходу Л.И. Поливанова, который своими «разъяснениями» готовил учеников к чтению романа, предполагая при этом, что процесс этого чтения не станет однократным.

Разница между Бродским и Лотманом заключается еще и в конечном адресате: Бродский адресовал свое издание ученикам, исходил из убеждения, что именно таким роман и должен был отложиться в их головах. Лотман свое пособие адресовал учителям, исходя из предположения, что учитель заведомо должен знать намного больше того, что знают его ученики.

Комментарий как автобиография

Рассматриваемые до сих пор типы комментария — академический и учебный все-таки не выходили за рамки своей обязанности, как ее сформулировал С.А. Рейснер — оставаться «сателлитами текста», или, по крайней мере, не уходили от текста слишком далеко.

Подлинно революционные изменения в области комментирования текста произвел Владимир Набоков, открыв здесь новые творческие возможности и превратив комментарий в особый литературный жанр, но эти новые возможности до сих пор осознаны далеко не полностью.

Как вспоминал Владимир Набоков, его работа начиналась как подготовка собственного перевода романа «Евгений Онегин»: «Этот опус обязан своим рождением замечанию, которое сделала моя жена мимоходом в 1950 году — в ответ на высказанное мной отвращение к рифмованному переложению “Евгения Онегина”, каждую строчку которого мне приходилось исправлять для моих студентов: “Почему бы тебе самому не сделать перевод?” И вот результат. Потребовалось примерно десять лет труда» [Набоков, 1997, с. 162].

В процессе работы над переводом русские реалии требовали все более обширных пояснений, и чем больше углублялся в их составление Набоков, тем дальше отодвигался собственно перевод и уходила из поля зрения целевая аудитория. За строками пушкинского романа Набоков открыл неведомый прежде для себя мир русской жизни и культуры пушкинской эпохи, который он все больше осознал как духовную родину. Углубление в этот мир стало для него внутренней потребностью, в итоге работа растянулась на целое десятилетие (1950-1960 гг.), и ее итогом стал четырехтомный «Комментарий к “Евгению Онегину”» Владимира Набокова [Nabokov, 1964], совмещающий в себе перевод романа на английский язык и огромные по объему комментарии, которые американский студент не сможет одолеть и за целую жизнь.

Жанровая природа этого многоуровневого труда, рассматриваемого как единое целое, до сих пор остается предметом ожесточенных споров. Комментарии превратились в своего рода компендиум, где содержится не только собственный перевод Набокова, но и разбор всех предшествующих переводов «Евгения Онегина» на английский язык и их острая критика, объяснение русской просодики в ее отличии от английской, один из самых тщательных фактологических комментариев к пушкинскому роману и многое другое, о чем нам предстоит сказать.

Современный исследователь Иван Левдорov настаивает на том, что уникальность труда Набокова заключается именно в том, что этот труд построен вокруг перевода романа на английский язык, и комментарий неотделим от этого перевода, поэтому сам комментируемый роман он называет так, как слышит его англоязычный читатель — «Юджин Онегин» [Левдорov, 2015]. Комментарии Набокова

он относит к области литературоведения, и его жанр называет «комментированием текста не на языке его оригинала» [Там же, с. 34] (дополнительных определений жанра, которые вводит И. Левдорov, мы касаться не будем).

В отличие от него М. Маликова, поместившая небольшую заметку о книге И. Левдорова в НЛО в рубрике «Новые книги» [Маликова, 2012, с. 402–403], считает, что англоязычный перевод имеет значение лишь для первой части четырехтомного труда Набокова, и что собственно комментаторская часть, хотя и создавалась Набоковым по-английски, в смысловом отношении привязана к русскому тексту, поясняет именно роман Пушкина, а не его перевод. На полемике И. Левдорова с таким подходом к труду Набокова [Левдорov, 2015, с. 150–151] мы останавливаться не будем, поскольку справедливость мнения М. Маликовой подтверждает сама возможность существования русскоязычной версии комментариев Набокова [Набоков, 1998; Набоков, 1999], в рамках которых и сформировался совершенно новый литературный жанр, который можно определить как самопознание через Пушкина.

Отделить комментарии Набокова от его перевода романа «Евгений Онегин» и пояснений к нему, превратить эти комментарии в самостоятельное произведение, позволила их совершенно особая жанровая природа. Эта операция, как сказано в предисловии к русскому переводу «Комментариев к “Евгению Онегину”» Набокова, потребовала некоторой «текстологической обработки», т.е. купирования частей текста, «касающихся специфических проблем перевода «Евгения Онегина» на английский язык» и приведения цитируемых Набоковым стихов «в соответствие с русским текстом» [Старк, 1998, с. 24].

Благодаря этому в труде Набокова было выделено смысловое ядро, которое и составляет художественное открытие Набокова. В русской версии «Комментарии» превратились в цепь отдельных фрагментов, привязанных к цитатам из пушкинского романа, которые, по существу, только задают темы и сюжеты этих фрагментов. Этот жанр отдаленно напоминает «Уединенное» и «Опавшие листья» В.В. Розанова с той разницей, что фрагменты Набокова имели отправной точкой пушкинский текст. Но при этом они не были «сателлитами» этого текста, потому что любая деталь, которую пояснял комментатор, помогала ему раскрыть в русской жизни нечто важное прежде всего для него самого, для понимания своей истории, истории своего рода, той русской жизни, которая запечатлелась в его памяти, в семейных преданиях и т.п. И потому набоковские комментарии сразу обретали

ярко выраженные автобиографические черты, становясь в один ряд с автобиографической прозой Набокова — романами «Дар», «Бледный огонь», «Пнин», воспоминаниями «Другие берега», выходя за пределы комментария как жанра. Одновременно они были продолжением его лекций о русской литературе, о которых биограф Набокова Дж. Филд писал: «...В этих искрометных и увлекательных лекциях очень многое определялось личным утверждением себя как художника, исторической традиции, в которой он себя видел, — в определенной степени все это он создал для себя, поскольку был поэт» [Field, 1977, p. 241]. «Комментарии к “Евгению Онегину”» наряду с лекциями расширяли рамки набоковской эго-прозы.

Сам Набоков описал этот созданный в ходе работы над «Евгением Онегиным» жанр в романе «Пнин»: «...все бесчисленные триумфы бескорыстной учености — они растлили Пнина, обратив его в упоенного, опоенного сносками маниака, что возмущает покой книжных клещей, мирно живущих в унылом томе в фут толщины, единственно для того, чтобы сыскать в нем ссылку на том, еще пуще унылый» [Набоков, 1993, с. 264].

Это «бескорыстная ученость», за которой стояла и в самом деле кропотливая и огромная по объему работа с источниками, стала для Набокова процессом самопознания, связав его с писателями, творчество которых он ценил более всего — А. Белого и Дж. Джойса. Роль, которую пушкинский роман играет в «Комментариях» Набокова, оказалась очень схожей с той, которую в романе Джойса «Улисс» играет гомеровская Телемахиды.

Комментируя «Евгения Онегина», Набоков открывает для себя историю своей страны, дворянства, к которому отчасти принадлежал, тонкости сословной жизни, давно утратившие смысл, все то, что он «проглядел», по собственному замечанию, во времена своей юности, проведенной в России. Одним из первых эти черты отметил К. Чуковский, который, кстати сказал, пользовался четырехтомным изданием, в которое входил и набоковский перевод романа «Евгений Онегин» на английский язык. Чуковский писал, что «в своих комментариях к Пушкину Набоков видит комментарии к себе самому, для него это род автобиографии, литературного автопортрета» [Чуковский, 1988, с. 254]. Особенно важно подчеркнуть, что Чуковский сумел эти автобиографические черты разглядеть при знакомстве с полной англоязычной версией, где комментарии содержали большой запас сведений, касающихся непосредственно перевода романа.

Об автобиографической подоплеке набоковских комментариев писал и В. Старк в предисловии к русской версии: «Подобно тому,

как Пушкин вкрапляет в текст романа биографические отступления, Набоков включает их в текст своего Комментария к нему. Помимо биографических вкраплений набоковский комментарий, как и роман Пушкина, отличает обилие отступлений на различные темы» [Старк, 1998, с. 17].

Особую роль в этом самопознании приобрела полемика со своими предшественниками, составляющая, несомненно, самые яркие и запоминающиеся страницы «Комментариев». С особой страстью Набоков полемизировал с теми, кто переводил Пушкина на английский язык до него, и в первую очередь с теми, кто пытался переводить рифмованными стихами. Критикуя эти переводы, Набоков открыл английскому читателю в Пушкине такое бесконечное разнообразие смысловых и художественных тонкостей, что его собственный перевод превратился в доказательство абсолютной непереводаемости «Евгения Онегина» на английский язык.

«Комментарии» Набокова можно назвать наилучшим путеводителем по русской жизни и культуре пушкинской эпохи во всей ее цветущей сложности, а также демонстрацией абсолютной гениальности поэта, и если кто сумел наглядно объяснить, почему все-таки Пушкин «энциклопедия русской жизни» и «наше все», то это именно Набоков. Но эти дифирамбы не до конца бескорыстны; воспевая Пушкина, Набоков всячески подчеркивает, что постичь его гениальность во всей полноте способен только он, автор этого четырехтомного труда.

Такое очевидное присвоение поэта в духе цветаевской формулы «Мой Пушкин» невозможно было в России, где у Набокова оказалось бы слишком много конкурентов как среди комментаторов Пушкина, так и среди его читателей и почитателей. Безнаказанно подобное присвоение Пушкина могло произойти только в Америке, где поэт мало кого, кроме переводчиков и преподавателей русской культуры, интересовал. Но чтобы никто не подумал посягать на его лавры, Набоков устроил показательное «избиение» потенциальных конкурентов. Более всех досталось Д. Чижевскому, который имел несчастье выпустить собственный комментированный перевод романа Пушкина на английский язык для студентов, ни на что большее, чем потребности преподавания, не претендующий. По поводу резких выпадов Набокова в адрес Д. Чижевского К. Чуковский даже заметил: «Ни один ястреб не терзал свою жертву с такой кровожадной жестокостью, с какой Владимир Набоков терзает этого злополучного автора» [Чуковский, 1988, с. 250]. Но подобным же образом Набоков расправился и с другими своими конкурентами в англоязычном мире.

Затем пришла очередь советских исследователей и комментаторов Пушкина. На лавры академических ученых-текстологов Набоков не посягал, в первую очередь потому, что источники текста, черновики и редакции произведений Пушкина были ему недоступны, это лишило Набокова возможности ставить под сомнение публикаторов и комментаторов Академического издания Пушкина. С текстологами он обошелся достаточно милостиво, например, обращаясь к истории текста «Евгения Онегина», Набоков выделял «самое тщательное и осмотнительное исследование» Томашевского [Набоков, 1998, с. 68].

В качестве главной мишени Набоков выбрал уже упоминавшиеся «Комментарии к роману “Евгений Онегин”» Н.Л. Бродского, которые стали для него воплощением того, как искажают смысл пушкинского романа за железным занавесом. Бродскому Набоков устроил впечатляющую «вселенскую смазь», вложив в нее не только остроумие, но и страсть.

Тут не обошлось без того, что применительно к книге Бродского можно назвать иронией судьбы. Набоков пользовался изданием «Комментариев» Бродского 1950 г., но оно появилось после того, как Бродского за издание этой же книги в 1937 году громили в числе других космополитов за «отрицание связи литературы с конкретно-исторической действительностью и классовый борьбой» [Дружинин, 2016, с. 387].

После серии проработок Н.Л. Бродский снабдил издание 1950 г. вступлением, где и появились все те слова, которые потом дали повод для издевательств Набокова, из этого вступления он почерпнул наиболее одиозную цитату: «Великая Октябрьская социалистическая революция до основания смела тот социально-политический порядок, в котором задыхался национальный гений и который погубил поэта вольности, врага “барства дикого” и царизма, и вызвала к творческой жизни подлинного хозяина страны — народ... и т.д.» [Бродский, 1950, с. 3]. Эта фраза и стала отправной точкой всех последующих инвектив в адрес Бродского⁴.

Бродского Набоков задевает по всякому поводу, по всей книге рассыпаны замечания типа: «Бродский неверно истолковывает...», «следует социологическая тирада...» [Набоков, 1998, с. 153].

В выпадах Набокова в адрес советских литературоведов есть блестящие характеристики целой эпохи в изучении русской литерату-

⁴ Здесь и далее комментарии Набокова цитируются по изданию: [Набоков, 1998].

ры. Например, по поводу «недуга, которого причину / Давно пора бы отыскать...», Набоков пишет: «Русские критики с огромным рвением взялись за эту задачу и за столетие с небольшим скопили скучнейшую в истории человечества грудку комментариев. Для обозначения хвори Евгения изобрели даже специальный термин: “онегинство”; тысячи страниц были посвящены Онегину как чего-то там представителю (он и типичный “лишний человек”, и метафизический “дэнди”, и т.д.)». Но единственным ответственным за эту «грудку комментариев» Набоков делает Бродского, который «взобравшись на ящик из-под мыла, употребленный за сто лет до него Белинским, Герценом и иже с ними, объявил “недуг” Онегина результатом “царской деспотии”» [Там же, с. 177].

Некоторые замечания Набокова по адресу Бродского безусловно справедливы, например: «Каждый раз, когда по ходу *ЕО* упоминается какой-нибудь французский роман, Бродский послушно (хотя всегда расплывчато, как принято у русских комментаторов) ссылается на русский перевод. При этом он забывает, что Онегины и Ларины 1820 г. читали эти романы по-французски, а гротескными, варварскими, чудовищными топорными переложениями на русский пользовались только низшие классы» [Там же, с. 125].

Но иногда нам трудно определить победителя в этом комментаторском поединке. В качестве примера сравним пояснения слова «педант», которое Набоков объясняет так: «человек, любящий изрекать, провозглашать, если не проповедовать свои суждения, излагая их в мельчайших подробностях» [Там же, с. 112]. Сравним истолкование этого слова у Бродского: «Прозвище педанта в 20-х годах несло с собой не только этическую, но и политическую примесь чего-то непокорного, враждебного господствующему кругу в дворянском обществе» [Бродский, 1950, с. 44]. Об этом пояснении Бродского Набоков отзывается так: «В стремлении, как обычно, выставить Пушкина образцом прогрессивной добродетели Н. Бродский подтасовывает цитаты, пытаясь доказать, что и при Пушкине, и при Фонвизине “педант” означало “честный человек” и “политический бунтовщик”» [Набоков, 1998, с. 114].

Справедливости ради отметим, что Набоков ссылался на то значения слова «педант», которое оно имело у Монтеня, в Оксфордском словаре, у Мальбранша, т. е. у зарубежных авторов, в ряде случаев — англоязычных (Аддисон, Газлит и др.) хотя до этого неоднократно упоминал, что Пушкин слабо знал английский язык, и потому приводимые им примеры мало что подтверждают. Между тем Бродский в своих комментариях ссылается на то, как это слово употребляли

современники Пушкина — князь В.Ф. Одоевский и кн. Д. Шаховской и др. Так что победитель в споре Набокова с Бродским не всегда очевиден.

Еще труднее оценить справедливость выпадов Набокова в адрес Чижевского, авторитет которого никто кроме него сомнению не подвергал. Бродский и Чижевский лишь служат пьедесталом для комментаторских открытий Набокова. Но если для Бродского выпады Набокова не имели никакого значения, он жил за «железным занавесом», то для Чижевского это был тяжелый удар. Он действовал на одном поле с Набоковым — преподавал русскую литературу американским студентам, и попытка представить его как «небрежного компилянта» [Там же, с. 134] была вопиющей несправедливостью.

Квинтэссенцию набоковского метода В. Старк сформулировал на примере его комментариев к стихотворению «Я помню море пред грозою...»: «Как бы следуя пушкинской манере отступлений в романе, Набоков обращает внимание на мотив, выделенный у Пушкина, — мотив “утаенной любви”, как определил его Набоков, “поиск реальной женщины, к чьей ножке подошел бы этот хрустальный башмачок — XXXIII строфа”. На роль этой сказочной Золушки, если вспомнить труды нескольких поколений пушкинистов, претенденток более чем достаточно. Декларируя, что поиск претенденток дело безнадежное, Набоков тем не менее погружается в это безбрежное море, приведя читателя в конце концов к выводу, что одной лишь претендентки на этот “башмачок” не существует, что их по меньшей мере две, если даже не четыре. Казалось бы, чего проще сразу сделать вывод, который и завершил в итоге это отступление, но тогда Набоков не был бы самим собою, тем мастером, которого мы знаем по другим его созданиям, а Комментарий утратил бы свою прелесть, выпал бы из набоковского ряда. В том-то и дело, что автору мил сам процесс поиска, приведении аргументов и контраргументов, сбор доказательств и их опровержение» [Там же, с. 18].

Это яркий пример того «бескорыстного комментария», который наряду с занятиями энтомологией более всего характеризуют склонности и интересы Набокова. Биографы писателя называют его труд подвигом, Онегинской энциклопедией, неоценимым путеводителем для англоязычного читателя по пушкинскому роману, автобиографией, литературным автопортретом комментарием к самому себе и т.п. Некоторые из этих характеристик справедливы — это в своем роде энциклопедия, демонстрирующая исключительные знания Набоковым пушкинской эпохи, но оценить все это способен только русскоязычный читатель, да к тому же имеющий специальную под-

готовку, англоязычному читателю одолеть этот объем информации едва ли под силу.

Немногим читателям доступен и автобиографический подтекст «Комментариев» Набокова, ибо здесь требуется уже доскональное знание его творчества, которое от начала и до конца обладает этим автобиографическим подтекстом.

Как некогда Пушкина упрекали в том, что в Евгении Онегине он «написал свой портрет», так и о «Комментариях» Набокова исследователи в один голос утверждают, что в созданном им портрете Пушкина наиболее отчетливо проступают черты комментатора. Поэтому если справедливо называть роман Пушкина «энциклопедией русской жизни», то с таким же основанием набоковские «Комментарии» можно назвать «набоковской энциклопедией», воссоздающей ту идеальную Россию, от которой при жизни в ней он был заслонен воспитанием; эта энциклопедия служила также свидетельством исключительности любви Набокова к Пушкину и подтверждала право считать себя его наследником.

Работая над комментариями, Набоков беспредельно раздвинул границы и возможности этого жанра, прежде служившего исключительно научным целям, в которых личность составителя никак не отражается. Лукаво называя собственный комментарий «бескорыстным», Набоков на самом деле сумел использовать его для того, чтобы рассказать о себе самом, продемонстрировал автобиографические возможности комментария. В литературе XX века «Комментарии» Набокова стали самостоятельным художественным феноменом, оказавшим большое влияние на последующее развитие литературы и даже истории литературы.

Одним из последователей Набокова на поле комментаторской деятельности я бы назвала Р.Д. Тименчика, хотя сам он предпочитает называть себя последователем Ю. Тынянова, борцом против исключительного внимания к литературному генералитету, сторонником «слепого отпора “истории генералов”» [Тименчик, 1998, с. 21]. При этом научные занятия Р.Д. Тименчика в течение всей жизни были сосредоточены вокруг изучения творчества А.А. Ахматовой, авторитет которой именно такому званию соответствует, которую можно назвать генералиссимусом поэзии XX века.

В советское время исключительный талант комментатора и историка литературы Серебряного века Р.Д. Тименчика реализовывался в небольших статьях и заметках, своего рода миниатюрах. Их уникальность была далеко не очевидна, поэтому, по его собственному признанию, «в советскую печать я со своими темами и не совался, экономил

рабочее время, после того, как столкнулся в столичных журналах и альманахах со всем набором вежливых и невежливых отказов» [Там же, с. 22].

Первым образцом комментария, отразившего, с одной стороны, именно «бескорыстную ученость» автора, а с другой — рассказавшего нам кое-что не только о самом авторе, но и поколении ученых, к которому он принадлежал, я бы назвала книгу «Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы»⁵. Если даже у Набокова комментарий все-таки оставался «сателлитом текста», то здесь он был полноценным текстом с незначительными фрагментами того, что пояснял и о чем рассказывал. До этого считалось, что комментарий не может вести самостоятельное существование, как сказал бы Евгений Шварц: «Тень, знай свое место».

Здесь текст Ахматовой как объект сопровождения оказался вынесенным за скобки, поскольку текст Р.Д. Тименчика строился вокруг записных книжек Ахматовой, которые она вела с 1958 г. и до самой смерти. В 1996 г. они были изданы в Италии [Записные книжки..., 1996], и что важно — очень маленьким тиражом, так что обладателей этого книги в Москве можно пересчитать по пальцам.

Публикаторы «Записных книжек А.А. Ахматовой» разделили их на отдельные главы по годам записей: 1956, 1957–1958, 1959–1960 и т.д. Первый том книги Р.Д. Тименчика «Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы» составлен из соответствующих этим главам разделов, каждый из которых содержит краткий обзор записей за тот или иной год, при этом сам текст записей отсутствует. Во втором томе к каждой из глав, точнее к именам, фактам и реалиям, упомянутым в них, даны «Сноски и выноски», которые и есть комментарии в подлинном смысле слова. Так возникает конструкция, ничуть не менее сложная и затейливая, чем у Набокова, а главное — объединяющая научную деятельность, которую вел в течение всей жизни и продолжает вести Р.Д. Тименчик над биографией А. Ахматовой.

Основную задачу своего исследования «Ахматова в 60-е» автор описал как «попытку выгородить и описать один из интерьеров русской литературы в согласии с моим пониманием методики истории словесности» [Там же, т. I, с. 10]. Здесь же он сформулировал свое понимание деятельности комментатора, в которой среди прочего он видит возможность «рассказать о своих друзьях в поколении как о читателях Ахматовой».

⁵ Первое издание книги вышло в 2005 г. в издательстве «Водолей» небольшим тиражом. Мы пользуемся вторым изданием: [Тименчик, 2014].

Эта установка имеет принципиальный для него характер: «Изу-чая поэта, надо реконструировать его адресата, сиречь исторического читателя, в соприродном ему культурном контексте <...>. И надо предъявлять себя как тоже исторического читателя, отдавая себе и другим отчет в своих персональных “горизонтах ожиданий”, в своем “сентиментальном воспитании”, в своем читательском “потолке”. Мы комментируем тексты автора и комментируем себя. И в этом наша последовательная филологичность. Ибо этот род деятельности, из комментария возникнув, к комментарию же в своем пределе и стремится» [Там же, с. 10–11].

В прежние времена любое отступление от комментаторской теплохладности в сторону выражения личных мнений или эмоций считалось выходом за рамки филологического поля. Но, видимо, настал момент, когда бескорыстные труженики, которые, подобно набоковскому герою, «распугивали моль в скучном томе толщиной в полметра», получили бы право рассказать кое-что о себе как о читателях, а заодно поделиться бы плодами своей бескорыстной учености.

Еще одну цель своей сложной конструкции Р.Д. Тименчик объяснил как исполнение долга «перед ахматовскими друзьями и знакомыми, говорившими мне о ней»: рассказы этих людей также включены в комментарии. В итоге, по замыслу автора, он очертил «круг того информационного минимума, который понадобится для понимания любого слова — в 1958–1966 годах в Союзе Советских Социалистических Республик» [Там же, с. 12].

Свое представление о назначении деятельности комментатора Р.Д. Тименчик сформулировал следующим образом: «Комментариев на все времена не бывает — каждый рассчитан на сегодняшний уровень читательского недоумения и полужнания. За десятилетие уровень недопонимания естественным образом повысился, и надо было бы громоздить новые объяснения, чтобы спустить читателя с высот *realiora* в долины *realia* и этим, как говорил Н.Н. Пунин, “передать эпоху, точнее было бы сказать, ту легкую пыль времени, которая всегда поднимается и стоит над эпохой, не отражая ее полностью, но вместе с тем давая о ней достаточно конкретное представление”» [Там же, с. 12–13].

Такое отношение к комментарию стало возможным отчасти благодаря Набокову, хотя долгое время казалось, что он «одинок в своей задаче», если воспользоваться словом И. Северянина. Но есть здесь и другое: целое поколение копило и собирало комментарии, не имея возможности их обнародовать от своего имени. И выходя с таким за-

позданием к читателю, комментарий не боится никакой «гипертрофии», этот бывший спутник знает, как долго он вращался по одной орбите со спутником, ничуть не меньше, чем вращался Набоков по одной орбите с романом «Евгений Онегин». Эта связь и открывает перед ним возможность и право рассказывать не только об Ахматовой, и о своих друзьях и себе как читателях.

Вряд ли язык повернется сказать про книгу Р.Д. Тименчика, что она адресована «широкому кругу читателей», либо «всем, кто интересуется творчеством А. Ахматовой». Нет, далеко не всем она адресована, но пользу из знакомства с ней извлечет каждый, потому что здесь представлен компендиум сведений о жизни и творчестве А. Ахматовой и ее читателей советской эпохи, и каждый в меру своих интересов найдет хоть крупицу полезного для себя, если, конечно, потрудится осилить весь компендиум.

Комментарий как исследование и расследование

Книга Р. Тименчика «Ахматова в 60-е» лишь одно из направлений, куда «гипертрофировал» комментарий на пути своего обновления. Другой пример развития жанра комментария, его превращения в жанр полноценного исследования, завершившегося настоящим открытием, содержит работа недавно скончавшегося одесского исследователя творчества В.П. Катаева С.З. Лущика. Опубликована она была как приложение к повести Валентина Катаева «Уже написан Вертер», и озаглавлена «Реальный комментарий к повести» [Катаев, Лущик, 1999].

О задаче, которую изначально ставил С.З. Лущик, в предисловии сказано: «Для одесситов, и это не будет преувеличением, В. Катаев — один из самых читаемых и почитаемых авторов. Чуть не каждая его книга — гимн Одессе, признание в любви к родному городу. И одновременно — это энциклопедия, где внимательный читатель находит множество одесских реалий времен катаевской юности, 1910-х годов. Улицы и дома, берега и дачи, бытовые сценки, типы обитателей, конкретные знаменитые или полузабытые люди, отдельные события жизни города... В некоторых произведениях писателя одесские реалии обозначены четко, а люди названы своими именами: дача Отрада, скажем, — это действительно настоящая дача Отрада, а Бунин — это Бунин. Иногда же реалии безымянны, а герои действуют под вымышленными именами, но за ними все равно стоят подлинные географические точки и подлинные люди, только нужно их узнать.

Истинное наслаждение — разгадывать неторопливо этот непрерывный ребус, находить вкрапленные в текст отзвуки старой Одессы» [Там же, с. 69].

По свидетельству автора, его исследование начиналось именно с поиска реальных событий из жизни Одессы первых революционных лет, которые могли бы проиллюстрировать повесть «Уже написан Вертер». Поиск оказался нелегким, ибо, по справедливому замечанию С.З. Лущика, повесть принадлежит «к числу самых зашифрованных, самых трудных книг В. Катаева» [Там же]. Это подтвердил в предисловии одесский литератор Е. Голубовский: «катаевская повесть о времени, отстоящем всего на 80 лет, практически герметична для тех, кто не знает подлинных реалий биографии Катаева, круга его друзей, жизни Одессы в 1917–20 годах» [Там же, с. 8]. Процесс разгадывания шифров повести для С.З. Лущика оказался в два раза более длительным, чем у В. Набокова, он растянулся почти на два десятилетия — 1980–1999.

Разгадка шифров начиналась с заглавия, взятого из стихотворения Б. Пастернака, за которым следовала строка: «А в наши дни и воздух пахнет смертью». Как потом оказалось, именно вторая строка «отражает зашифрованную идею всей книги» [Там же, с. 74].

Далее из сопоставления некоторых деталей было установлено место и время событий — август 1920 года, Одесса. Обращение к местным газетам этого времени помогло понять обстановку, царившую в городе: «красная армия окончательно заняла город 7 февраля 1920 года, после двух с лишним лет гражданской войны с многократными сменами властей. Вокруг Одессы война еще продолжалась — и на севере Украины, и в Крыму. Новые советские власти наводили в городе новые порядки, ликвидируя все старое, в том числе и остатки “белых” или казавшихся “белыми”. Местная газета “Известия” непрерывно сообщала о происходивших облавах, конфискации, принудительных субботниках, “чистках”, обысках, арестах, разоблачениях... Печатались длинные списки расстрелянных “контрреволюционеров” и “бандитов”, по 10–50 человек в каждом. Объявлялись обязательные регистрации бывших офицеров, иностранных подданных, жителей “чужих” национальностей: греков, поляков, англичан, эстонцев и др.» [Там же, с. 76].

Кое-какие подробности удалось установить благодаря изданной к 70-летию Одесского ВЧК-КГБ книге «...А главное — верность». Здесь содержались сведения о прототипе одной из героинь повести Катаева Венгржановской, которая ждала расстрела в тюрьме как якобы участница польско-английского заговора. В книге о доблест-

ных чекистах упоминалась семья Венгржановских, расстрелянная при сходных обстоятельствах как участники мнимого заговора. В газете «Известия» за ноябрь 1920 года среди участников еще одного заговора, в числе 100 человек приговоренных к расстрелу, из которых затем 79 были заключены в тюрьму, Л.З. Лущик нашел упоминание: «Коллегия постановила освободить следующих лиц, как непричастных к делу»: Катаева Валентина и его брата — Катаева Евгения [Там же, с. 79].

Так произошло ключевое открытие — вся история, рассказанная в повести как сон героя, в котором его ведут на расстрел, история его чудесного спасения и все последующие события — это ранее неизвестный эпизод из жизни самого Валентина Катаева, фотография которого в форме офицера Первой мировой войны была обнаружена М.З. Лущиком в журнале «Весь мир» за 1917 г.

Дальнейшие разыскания помогли установить, что в повести представлена еще и история друга юности Катаева Виктора Федорова, сына известного одесского поэта А.М. Федорова. Его как заговорщика разоблачила молодая чекистка. Став его женой, она затем сдала его органам ЧК и при этом поплатилась тем, что сама отправилась вслед за ним в ту же мясорубку.

С.З. Лущик проследил дальнейшую судьбу Виктора Федорова, ему удалось бежать из тюрьмы, эмигрировать в Румынию и стать театральным художником. Но его испытания этим не закончились: во время Второй мировой войны его настигли советские карательные органы, он был отправлен на Соловки и умер в лагере. В книге публикуются репродукции картин Виктора, частично из коллекции С.З. Лущика. В итоге параллельно сюжету повести «Уже написан Вертер» в комментариях вырастает документальное повествование, проливающее свет на неизвестные страницы одесской жизни В. Катаева и жизни его друзей юности на фоне жестокой и бесчеловечной эпохи. Об этих страницах он боялся даже упоминать, и только в конце жизни рассказал о них в повести, зашифрованной под кошмарное сновидение.

Еще одно достижение этого кропотливого исследования заключается в том, что С.З. Лущику удалось понять, что именно так мучительно Катаев всю скрывал, то за маской циничного Остапа Бендера, то за маской образцового советского писателя. Исследователю удалось показать, что Катаеву было что скрывать в своем прошлом и было чего бояться, хотя память о друзьях юности жила в нем всегда. Боясь своего прошлого до конца жизни, Катаев попытался рассказать о трагических судьбах людей, составлявших его дореволюционное окружение,

ставших жертвами красного террора, и о собственном «белогвардейском» прошлом.

Все это С.З. Лущик сумел поведать нам в жанре реального комментария, полностью оставаясь в границах жанра. Не случайно Е. Голубовский в предисловии настаивает, что «в наше время комментарий стал новым литературным жанром, где история не разрушает прелесть изящной словесности» [Там же, с. 8].

Комментарии С.З. Лущика, основанный на документальном материале, показывает, реальность советской эпохи может оказаться страшнее самого фантастического сновидения. В итоге книга, первая часть которой содержит художественное произведение, а вторая — документальное повествование с теми же героями, становится как бы единым произведением, где литература и реальность зеркально отражены друг в друге.

* * *

Итак, комментарий сегодня осваивает новые горизонты, ищет новые ниши и сферы приложения. Разумеется, это не единственные примеры его трансформации, можно привести в качестве примера книгу Д. Галковского «Бесконечный тупик», где посвященный В.В. Розанову первоначальный текст, к которому были привязаны в качестве не то пояснений, не то лирических отступлений комментарии, затем текст о Розанове был изъят, и к читателю пришли только комментарии. Но в этом случае комментарий окончательно перестал быть сателлитом текста, он трансформировался в эго-прозу, утратив исходные жанровые признаки, как бы пытаясь понемногу потеснить Шекспира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бродский, 1950 — *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин»: Роман А.С. Пушкина. М.: Учпедгиз, 1950. 480 с.

Бродский, 1964 — *Бродский Н.Л.* «Евгений Онегин»: Роман А.С. Пушкина. Пособие для учителя. 5-е изд. М.: Просвещение, 1964. 415 с.

Глагол будущего, 2006 — *Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я.М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн.* Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006. 1056 с.

Голов, 1909 — *Голов И.* [Садовской Б.А.] Розы без шипов // *Весы.* 1909. № 9. С. 94–95.

Е.В. ИВАНОВА. «...НЕ ШЕКСПИР ГЛАВНОЕ, А ПРИМЕЧАНИЯ К НЕМУ»: КОММЕНТАРИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ И УЧЕБНЫЙ, КОММЕНТАРИЙ КАК АВТОБИОГРАФИЯ ...

Дружинин, 2016 — *Дружинин П.А.* Филфак МГУ в 1949 г. // Литературный факт. 2016. № 1–2. С. 380–452.

Записные книжки..., 1996 — Записные книжка Анны Ахматовой (1958–1966) / сост. и подг. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. Консульт., вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.: Торино: Einaudi, 1996. 849 с.

Катаев, Лущик, 1999 — *Катаев В.П.* Уже написан Вертер. Лущик С.З. Реальный комментарий к повести. Одесса: Optimum, 1999. 232 с.

Котова, Лекманов, 2004 — *Котова М., Лекманов О.*, [при участии Л.М. Видгофа]. В лабиринтах романа-загадки: Комментарии к роману В.П. Катаева «Алмазный мой венец». М.: Аграф, 2004. 286 с., илл.

Левдоров, 2015 — *Левдоров И.* Рукотворная фактология. Заметки о «Юджине Онегине» В. Набокова. М.: Водолей. 2015. 158 с.

Лотман, 2015 — *Лотман Ю.М.* А.С. Пушкин: Биография писателя. Роман «Евгений Онегин». Комментарий. СПб.: Азбука. 2015. 633 с.

Маликова, 2012 — *Маликова М.* Рукотворная фактология: Заметки о «Юджине Онегине» В. Набокова // Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118). С. 402–405.

Набоков, 1997 — *Набоков В.* Два интервью из сборника «Strong Opinions» / пер. М. Маликовой // В.В. Набоков. Pro et contra. Антология. СПб.: РХГИ, 1997. С. 138–168.

Набоков, 1998 — *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / пер. с англ. СПб.: Искусство-СПБ, Набоковский фонд, 1998. 924 с.

Набоков, 1999 — *Набоков Вл.* Комментарии к «Евгению Онегину» А. Пушкина / пер. с англ.; под ред. А.Н. Николюкина. М.: Интелвак. 1999. 1004 с.

НЛО, 2012 — Новое литературное обозрение. 2012. № 6 (118).

Рейснер, 1970 — *Рейснер С.А.* Палеография и текстология. М.: Просвещение, 1970. 335 с.

Сочинения А.С. Пушкина..., 1887 — Сочинения А.С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. М.: Издание Льва Поливанова для семьи и школы, 1887. Т. 1–5.

Старк, 1998 — *Старк В.* Владимир Набоков — комментатор романа «Евгений Онегин» // *Набоков В.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПБ, Набоковский фонд, 1998. С. 7–25.

Тименчик, 1998 — *Тименчик Р.* Вид с горы Скопус // *Тименчик Р.* Что вдрут. Статья о русской литературе прошлого века. М.: Мосты культуры, 1998. С. 9–30.

Тименчик, 2014 — *Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы / 2-е изд., испр. и расшир. М.: Мосты культуры — Гешарим, 2014. Т. 1–2.

Толстой, 1928 — *Толстой А.* Ранний Горький // Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 127–138.

Тынянов, 1977 — *Тынянов Ю.А.* Поэтика. История литературы. Кино / изд. подгот. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков и М.О. Чудакова; отв. Ред. В.А. Каверин и А.С. Мясников. М.: Наука, 1977. 574 с.

Ходасевич, 1916 — *Ходасевич Вл.* О новых стихах // Утро России. 1916. 7 мая. С. 3.

КОММЕНТАРИЙ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Черемисина-Харпер, 2014 — *Черемисина-Харпер И.А.* Владимир Набоков — комментатор и интерпретатор пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин». Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. 199 с.

Чуковский, 1988 — *Чуковский К.* Онегин на чужбине // Дружба народов. 1988. № 4. С. 246–257.

Field, 1977 — *Field A.* Nabokov: His Life in Part. NY: The Viking Press, 1977. 285 p.

Nabokov, 1964 — *Nabokov V.* Eugene Onegin. A Novel in Verse by Aleksander Pushkin. NY: Bollingen Foundation, 1964. Vol. 1–4.

Впервые опубликовано: *Иванова Е.В.* «...Не Шекспир главное, а примечания к нему»: комментарий академический и учебный, комментарий как автобиография, исследование и расследование // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 261–292. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-261-292>